

МАРК ИВАНОВ
МОЙРЫ

Марк Ива̀нов

Мойры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48780882

ISBN 9785005085757

Аннотация

Если каждый из нас переключит своё внимание на свою Божественную сущность, то наша жизнь станет Жизнь вечной. Жизнь Вечная – это прежде всего труд и вечное Служение для Господа. Ибо все размышления баз этого есть химеры Вечные.

Содержание

Часть 1. Изнанки	6
Не приведи меня Господи!	6
Что именем Твоим	7
Ржавая петля	8
Блажен!	9
Я пёс	10
Зигота	11
Гимн	12
Пересмешник	13
Не пристало	14
Мираж	15
След	17
Я вправе спросить	18
Рано	20
Адаптация	21
Вестник	23
Экстаз	24
Изгой	25
Половица	26
Деревья умирают стоя	27
Истина в вине	28
Другие	29
Пирамида	30

Не Данте я	31
«В аду своём комфортно и уютно, о нём приятно рассуждать...»	33
Рождество	34
Сказочное	35
О ты, Судьба	36
Сколько	37
Идея	38
Как быть?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мойры

Марк Ива̀нов

Корректор Яна Веретнова

© Марк Ива̀нов, 2019

ISBN 978-5-0050-8575-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Изнанки

Не приведи меня Господи!

Моему Господу посвящается

Хранитель, Ты мой Ангел!
Чей ты друг, себя спросил я?
Что ты любишь и что ждёшь?
Я люблю, когда застолие,
Светлой истины порог,
Ведь друзей не выбирают,
Почему-то избран я,
И душа моя мечтает что-то сделать для Тебя.
Говорят, что поздравленья
Отражают свет души.
Как душа Твоя прекрасна,
Свет в ней горний, свет Любви.
Мне бы мудростью одеться,
Что достоинство твоё,
И тебе отдать сердечно
Все, что Богом нам Дано.
Радуйся.

Что именем Твоим я сотворю

Вот ряд, изогнутые спинки,
В руке билет – смотрю,
Там место обозначено. Ищу.
Ищу что? Место или сам не знаю,
Как будто на спектакль я пришёл.
А может быть, с молитвой поклониться.
Споткнулся, ой, монетку я нашёл.
Орёл или решка? Свет или изнанка?
Спектакль – да. В нём кривизна торит.
Я знаю, в нём мгновенье мыслит
И вдруг потом заговорит.
Оно как танец искромётный.
Оно как первенец. Ковчег.
И вновь, как встарь, в ярчайшей вспышке
Терновый я приму венец.

Ржавая петля

Кольцо, калитка наперекосяк,
Дотронулся, петля ржавая.
Остановился, смертушка.
Плут, вторит тромбон.
Нота, слеза аиста белого.
О, если все маргаритки собрать,
То и тогда не отцветут тюльпаны.
А если в алом синь воспринять,
То в оранжевом горы восстанут.
В доле ледников студёная пядь,
остановились, замерли в изумленьи,
Симфонией от дна восстать.
Оратория мира, скольжение.
Пронеслись в водопадах времён,
В брызгах мгновений постигли истину.
Ну а потом, да что в том,
Ведь петля-то ржавая.

Блажен!

Блажен, кто нищенство приемлет,
Блажен, кто в нищенстве живёт.
А что есть нищенство, то паперть,
Быть может, это сердца слог.
Быть может, звук хлопка одной ладонью.
Быть может, просто хоровод.
Господь создал в Начале Слово
А в слове слог, а в слове миг,
Который в нищенстве блаженной
Мне истину судьбы вершит.
Я иногда как будто замечаю,
особенно когда не подают,
Что нищенство – дорога к раю,
Пусть в ранах, босиком, но путь.
Путь, в ком надежда, в ком отрада,
Отрада из глубин студёных вод,
И лист осенний радуется взгляду,
Который радугой цветёт.

Я пёс

Наш пёс, почти он издыхает.

Уже не чувствует, не видит он ни зги.

Не понимаю, радуется иль страдает.

Он пёс, и мост его вблизи.

Тот мост, который напрямую без поворотов в путь его ведёт

И я в надежде: вскоре меня он тоже поведёт.

Как странно говорить о мосте,

О псе о том, что есть.

Мост служит, пёс ему подобен.

А я! Божественная весть.

Пока не принял, тайна не раскрыта.

Могу быть псом, мостом лишь иногда.

Пока я только бабкино корыто, надтреснутое,
но не навсегда.

Спросить бы рыбку золотую.

Зигота

Смогу ль себя я светлым чувством одарить?

Каким? Об этом лишь Ему судить.

А суд Его не мысленное счастье, которым судится
злочастье.

Ненастье душ, сердец ненастье,

О, звонниц хоровод, причастье.

Я для Него пока лишь зарождаюсь.

Зигота я, за место я сражаюсь.

С кем против или за кого,

Да нет, не против, просто за Него

Я думал раньше, что Он там, вдали.

Молитвы возносил, слова не шли.

Я повторял чужие мысли и образа другие надевал.

И было невдомёк, что я зигота,

И только Он меня создал.

И понял – никуда бежать не надо.

Ни вправо, влево, вниз или наверх,

Он здесь, и я Его отрада.

И вырвался счастливый смех.

Гимн

Проникнуть в суть, которая не суть.
Воздействовать на то, что в образах сокрыто,
и с маленькой свечой просить: прости.
О том подумать, что в мгновенье скрыто.
Почто не думать, мысль свою не счесть,
Она миражное блаженство. Какая честь.
Вот именно, под стать оторванной доске,
гвоздей в которой верховенство.
Ты скажешь: это ведь прекрасно,
Прекрасно, как могу не воспринять,
В кривом заборе огненного вихря какая стать.
Я в этот пламень руки опускаю,
Но в холоде они живут.
Вот так же в смерти жизни я желаю,
И только в этом суть, которая в огне лампы тлеет.

Пересмешник

Заржавело, не приспело, не оделось в Бытие.
Пересмешник, птица вещая, маленькое то.
Маленький узор в оконце и морозец маленький.
Лучик маленький, и донце, и колодец старенький.
Изопью святой водицы от крещения Руси.
Вдруг проглянет лучик. Спицы.
Для тебя вяжу мечты.
Кружева, смешинки, льдинки.
Весь весёлый хоровод.
И Твоя улыбка с нами. Улыбнуться наш черёд.
Радуйся!

Не пристало

Когда-то так же произнёс, что не пристало.

Что?

Сорвать в саду запретный плод.

Пристало.

Услышать гул раскатных битв.

Пристало.

Когда за честь, присягу, долг.

Пристало.

Когда сам ранен, но спасал.

Пристало.

Когда, приняв сабельный звук,

Понять – противник честен.

И возвратить ему клинок.

Не обесчестить.

О русский дух, о честь любви.

Он горд, и в этом подвиг.

Не для себя, а в той выши, где Русь Святая Храм
Господний.

Мираж

*Моему школьному другу Таймуразу,
посвящается*

Синь небосвода глубиной оделась, явил он царственно себя.

А нам одиннадцать минуло, мальчишки стрелки Бытия.
И каждый вечер от восторга заворожённо, затаясь,
прильнув к хладеющему небу,
Мы в свете царственном улавливали глас.

Тогда не знали кто он и откуда.

О! Сириус, манящая звезда.

А нам мальчишкам космоса мгновенья, далёкая
и близкая мечта.

И всё тогда казалось первозданным,

Какие цели: просто школьный бег.

Потом другие стадионы, и снова бег, и снова бег.

Но те бега – тотализатор, и ипподром не строил сам.

И вот как загнанная лошадь, и удила не по зубам.

А сколько этих ипподромов, плетёмся тихо, может,
вскачь.

Конечно, в чём тут сомневаться, а рядышком
футбольный матч.

И там ревут, а здесь ликуют.

Там по воротам, здесь в узде.

А синь по-прежнему глубока, и глас Его ещё во мне.

Стоп, хватит, надобно остановиться; так для чего же я бежал?

Хотел себе поймать жар-птицу, а оказалось, не поймал.

А потому, что цель земная была пустынным миражом.

А настоящая, святая – ведь это Отчий дом.

Проложим мы к нему тропинку.

След

Сегодня истина святая
Открыла вдруг мою судьбу.
Я думал, просто я мечтаю, а оказалась, что живу.
Живу, а если приглядеться —
Неважно, впрямь иль на косяк.
Неважно, как мои поступки
Потом потомки объяснят.
А надо ль? Ведь они потомки,
В них ритм других судеб цветёт.
Они бегут скользящим шагом.
А, я? Меня никто не ждёт.
Так вот в чём истина, в том ожиданьи, которое грядёт.
А жизнь Его мечтанье.
Да будет славен наш Господь!

Я вправе спросить

Гимн бессмертию

Бессмертным хочешь стать – Похвально.

А что готов за то отдать – Странно.

Быть может, то, что не познал, – Быть может.

А может, то, что не узнал, – Может.

Я в праве спросить, ведь Я Дарую!

А если дашь ответ – Ликую!

О Боже, вправе ль я познать то, что не знаю?

А если просто возлюбить – Знаю.

А может, просто невзначай к ладошке светлой
прикоснуться.

Глазёнки – в них росинка даль, с ним улыбнуться.

Тропинка от пруда и вдоль налево плавно повернула.

Вечерний свет пахнул травой.

Церквушка крестиком сверкнула.

Вошли, и ты вдруг стал иным.

Ни шалости, ни любопытства.

Я понял – Он тебе открыл, что каждому так близко.

А близко всё, луна и свет, склонённые головки низко.

И шёпот звёзд, свечной обет.

Всё близко, близко, близко, близко.

И только так и навсегда, Твой дар с поклоном принимаю.

И вот тогда времён – года, в них полнота.

Признаю.

Бессмертие Твоё я обрету!

Рано

Сходиться рано не пристало.

Мы в истине творим судьбу, и всё ж пустыней я бреду.

Бреду по снегу.

Под ногами песок обжёт, опять бреду.

То жар, то холод, и не знаю,

кто, как, в каком преданье могилку я себе творю.

Там крестик, освятив, поставлю.

Пусть травка былью прорастёт.

Быль это, небыль, лишь в страданье святая истина грядёт.

Любви Божественной оплот.

Адаптация

Когда по утреннему солнцу
роса в травинках говорит.
И лучик света вдруг смешинкой моё сознание одарит.
Когда прохлада вечереет.
Луна, как серпик, воду пьёт.
И я, испытать бы той водицы, ведь скоро, скоро мой черёд.
Котомка цельная иль в дырках.
Храню иль в россыпь: подберут.
Не думаю, котомки их ведь тоже в дырках.
Тогда что в путь с собой берут?
Врата, смешался я толпою,
Подумалось – вот проскочу. Ан нет.
Сумма моя с судьбой. О Боже, что Тебе несу?
Что прихватил: счета, кастрюли, смартфонов
ожерелье, миг,
в котором плоть моя ликует.
Что смог, что подобрал, чего достиг?
А мог бы,
Когда прохлада вечерела, отбросить блёстки мишуры.
Перечитать строфу Завета и попросить Тебя: прости.
Возрадоваться, с Ним душою слиться.
Понять: вот то, зачем я жил.
О Боже, вот он долг служенья,
И только в том Тебе я мил.
Мил человек.

Вестник

Не ведая того, в причине без причины
Мне надо кое-что понять.
Встречал рассвет в степи, там сказки и былины.
Ковыль рисует там морскую гладь.
Там, где от века и до века
все времена, клубочки обмотав,
Становятся причиной и одеты в одежды,
смысл которых страсть.
Подумалось, что страстно я желаю: промчаться
по ковыльной стремине,
услышать журавлиное клёктанье или синицей стать в Его
руке.
Другая страсть: взрастить цветок любимой.
Какого цвета? Жёлтый изумруд.
И в нём ковыль оставит отпечаток.
И в нём начала все грядут.
И вот тогда, став вестником нетленным.
Я непременно свой цветок внесу.
Во Храм, в Мечеть, в Дацаны, в сердца людские.
Только этим,
Пресветлый Мой, Тебе служу.

Экстаз

Раскинулся базар: халаты, тубетейки,
клубится пыль из-под копыт.

Какой-то странный говор, как будто мягким облаком
обвит.

Базар, то тут, то там мелькнёт пространство и пальчиком
грозит.

Опять базар; в нём постоянство.

Как ярок день в нём синь ночи горит.

Суфийский плащ подбитый пылью.

А что под ним? – да ничего, лишь сказка стала былью.

А может, как же мне понять, ведь лик Его мне
недоступен.

Не знаю, мысль как решето, смысл неприступен.

Горсть фиников я в плоску обмакну, как студена водица.

Базар, твой мир люблю и пью и не напиться.

И вдруг всё разом просветлело, а то базар души угас.

И из глубин молитвой белой

Явил себя любви экстаз.

Изгой

Сегодня призраки не мучили меня.
Не знали, как ко мне им прилепиться.
Остановитесь, я им прошептал, пора б друзья
угомониться.
Почувствовал, что в той дали,
В иных мирах поникли головою.
Пойми, зачем они к тебе пришли,
В наш мир, в котором смысл изгоя.
Изгой, как с этим смыслом быть?
И как почувствовать другое?
Для них ведь главное – признать, какая их в том доля.
Ну почему ж они спешат и, чтоб попасть, сюда блефуют.
Расписывают мне их благодать, которой ревностно
торгуют.
А всё так просто – в мире том разлито чудо.
Но чтоб понять его, в наш дом они стремятся. Тоже чудо.
Как странно: чудо здесь и там, но там в нём пребывают.
А здесь: труд, слово, честь.
Они об этом лишь мечтают.
Господь.

Половица

Половица не страница, не страница. Дом пуст.
От обоев звук странный. Разбитое оконце в пыли.
По карманам похлопал. Платок белоснежный.
Протёр ручку, а может, мысль.
Вот только какую? Обозначено ль?
Говорят, за горизонтом есть незримое.
Ирам Многоколонный.
В нём звук колоколов, повенчана струна,
Скрипичное многоголосье, троны.
В одних есть роскошь, золотой подвой, ножки изогнуты,
венцы спинки.
Другие – просто стул кривой, спинка оторвана.
На первом в золоте владыка восседает.
Другой... да пусть себе стоит. Он только так стоит
и не мешает.
Владычество гордыни в первом, другой мысль светлую
творит.
И всё же половица, скрип ступеней.
Вверх, вниз, кто, право, разберёт.
Шарахаются тени, и занавес во времени живёт.
Опять ступени. Звуком лечат раны.
Звук ведаёт, что он любовь творит.
А я по тонкой половице, и каждый мой шажок
в многоголосии любви сокрыт.

Деревья умирают стоя

Вошёл я в лес, сухих стволов там вереница.

Подумалось: ан жизнь во мне теплится, как огонёк святого Бытия.

Я углублялся, кроны создавали над головой узор любви. Припомнился плафон в Миланском зале, свет Леонардо в лиственной тиши.

Он чудо сотворил, в котором каждый листик росой неведомой горит,

А здесь вершины – кроны каскад Вселенной, миг.

Но что ж тогда, когда сухое? Остался ствол. А жизнь совсем ушла?

Но нет, тут мыслится другое. А что? Откроет ли судьба? Моя иль грозных великанов, которые, как будто не живут.

Но это я к ним прилепился, они ж в свет вечности идут. Я думал, вместе, может быть, прорваться, наивный человек Земли.

Вначале надо постараться, со шкурой благостно расстаться.

Стать деревом сухим, остаться, и лишь тогда позволено мне будет в обитель светлую войти.

Деревья умирают стоя; чем хуже я?

Истина в вине

Ни с кем не связан Истиной и Славой,
поскольку истина в вине.

Мольберт в углу, а кисть художества забава.

Узоры пишет на стекле.

Узоры: как ваш мир прекрасен, одних снежинок хоровод.

И звон бокалов не напрасен.

Он в дальний путь нас всех зовёт.

На том пути возможно поделиться и славой, и узором
на стекле.

Но только ведь мольберт уж не синица.

Журавль в светлой вышине.

Не знамо, сказка иль не сказка, а может, присказка
грядёт.

А уж тогда как мальчик-с-пальчик,

Все камушки наперечёт.

По ним войду в Храм помолиться,

Узор свечою освятить

И вот тогда в том убедиться,

Что Истине и Славе вечно быть

Лишь в Господе!

Другие

Восход там и закат другой.

Нет поцелуев там и удивленья.

Не связаны они ни с чем.

Но и они святого Божества творенья.

Константы там другие, чтут они другой любви мгновенья.

Другой там Храм, другой язык, иные мысли, сказки,
бденья.

Купалы ночь там не живёт, трава в венках не увядает.

Лишь потому что нет её, она там никогда не прорастает.

Но при Луне там таинством своим

Возлюбленные болью, как у нас, клянутся.

Ведь боль, она как сказки, пилигрим и вечность,

к счастью позволяет прикоснуться.

Так просто мне сказать: «Они другие».

Но нет, они такие ж, как и мы.

А Божья благодать и нам и им любовь дарует.

О Господи, прости!

Пирамида

Зыбучие пески, барханы, нет боле доле сил идти.
И ящерка, хвостом играя, промолвила: «Ну, попроси».
Глоток воды, ведь фляжка не пуста, она прозрачна.
Быть может, зонтик от дождя. Удачно.
Да. «Отведи меня туда, где песнь веков в песках ликует.
Где роща фиников, вода и странный звук ещё кочует.
Где вдруг за бархатным углом стена мелькнёт
в пространстве света.
И сразу станет ясно: дом, он наш от века и до века.
По форме в четырёх углах и в каждой грани лик
пресветлый.
Одна есть вера в ней любовь.
Другая в созерцаньи крестном.
Молитвы грань – она светла, грань покаянья – тишина.
И все четыре в вышине, во временах, в святом огне.
Да, дом о четырёх ветрах парит, в том милость тяготенья.
И как бы вниз свет четырёх, и кружева в нём, и моленья.
И тоже грани, Божий свет музыкой в них играет.
Друга вершина и душа в другом пространстве обитает.
Четыре вверх, четыре вниз.
А если в зеркале, то снова
Четыре вниз, четыре вверх.
В вершинах пламенное Слово.
То Слово от Начала!

Не Данте я

Сказал он мне: «Пошли». – «Куда?» – я удивился.

«По каменным ступеням, через мхи, туда, где древности единство».

«Но там же Ад, ты сам об этом говорил.

Весь мир об этом знает и я тоже.

Ведь ты его таким открыл, а мне что с этим делать?

Туда ведь благодать не вхожа».

Он улыбнулся: «Экий, право, ты, ты хочешь рассуждать о благодати.

Но для тебя что Ад, что благодать умом не познаны, они ведь братья.

Они как лист: лицо, изнанка.

Монета – решка иль орёл.

Свет, темень. Нищенство, богатство.

Попробуй раздели нетканый в них узор».

«Но, есть же разница, и как её постигнуть?»

«Да, странный мой, ведь в этом твоя суть.

Ты хочешь разделить единство, но это только мыслей муть.

Представь себе, когда ты солнышко вбираешь.

Чуть отошёл – и тень тебе прохладу ткёт.

Но это ты, ты так воспринимаешь, на самом деле в целостном живёшь.

А жизнь твоя сокрыта в благодати, а ад твой сам его творец.

Отступишь – и ступенькой ниже, а там уж благодати нет.
И так ступенька за ступенькой, по мхам нога скользит.
А благодать Его святая в тебе чуть теплится, уж
не горит».

«В аду своём комфортно и уютно, о нём приятно рассуждать...»

В аду своём комфортно и уютно, о нём приятно рассуждать.

И незачем бежать, но помни, что в своё посмертье его придётся взять.

Таков закон!

Но если о себе и отслужил ты панихиду

И если не забыл дорогу в храм,

Тогда по Божьей Благодати сокроешься от тысяч ран.

Душа твоя по капле понемногу расстанется с проказой.

Аз воздам.

И вот тогда, когда её не станет, тебе откроется дорога в Божий Храм.

Рождество

В установленные сроки, кем, когда не знаю я,
Может, горный я владелец, может, русло бытия.
С гор долиной первозданной не несёт поток меня.
Нет дождей, одни туманы, капли в них, а не вода.
На вершине век от века я молюсь, зигота я.
О Господь, Любимый, Вечный освяти; поток ведь я.
Поздний дождь, а может, ранний, времени я не считал.
Да и как сочтёшь мгновенья,
В них твой меч молитвой стал.
Он разит истоком Славы, той в которой только Ты.
И наполню я потоком светлые Твои мечты.

Сказочное

Рано-рано поутру кружева из снега тку.
А снежинки словно сказки, огоньки, свечной уют.
Заморозились тропинки, ути в валенках бредут,
Лапки чтоб не отморозить и водицы бы испить.
В кружева оделись ели, им мороз уж не грозит.
Чу! Порыв узор сметает.
На церквушке крест святит.
И молитва кружевная Рождеством нас одарит.

О ты, Судьба

*Поверь мне, в жизни стержень смерти творит
бессмертие твоё.*

Из сна сказочного

Куда судьба меня бросает, как будто мячик я её.
Ворота травка голубая, ну просто диво. Пикассо.
Она меня опять проводит по вернисажным закромам.
Вот там подсолнухов сплетенье, а вот ромашковый аврал.
И вдруг в индустриальной гамме, где мост прядёт её
судьбу,
Увидел крест я первозданный, услышал иноков мольбу.
Подумалось. Меня здесь бросит, плащ звёздный
запахнёт.
Ан нет! Сюда ты не вернёшься.
Здесь будет для других черёд.
Другой черёд. Быть может, в славе.
Да нет, мой. Тканая печаль.
Она твоя; судьбы сестрица и с ней я тоже брошусь вдаль.
В другие залы и музеи, где тож искринок чехарда.
Ну как же здесь не стать печью, так что же, в этом ль ты
судьба?
Она вдруг встала. Оглянись-ка, там сад в чарующей ночи.
Он Гефсиманская зарница.
И в нём Спаситель; с ним лишь ты.

СКОЛЬКО

Сколько слов в произнесённом, сколько мыслей. Недосуг.
К осуждению готовы. А к признанию?

Сложен круг.

В том кругу узоры света.

В нём слова и бранный мат.

Он же тоже жизнь имеет, но какую, чей примат.

Тех, в которых всё уснуло, а быть может, не жило.

Не сложилось, не припело, им наверно всё равно.

Как-то странно, осуждаю, кто и как себя ведёт.

На какой трубе играет. Песнь свою как продаёт.

Думаю, мне не пристало душу этим омрачить.

У неё своё начало, огонёк другой горит.

Надо только состояться, огоньку дать расцвести.

Улыбнуться, улыбнуться и Любовь Ему нести!

Идея

Почему идея эта ну никак не приглянулась?
Её выгнал за ворота, а она опять вернулась.
Я её представил солнцу и лучинке на рассвете.
А они лишь улыбнулись, представленью не заметив.
Я её в колодец дальний окунул, хладна водица,
И росой её промерил, песенку простой синицы.
А она то величаво, то согбенной паломницей,
То в блистательном уборе, то в кувшине святой схимницы,
В искромётном танце жизни, скромницей в тишайшей
смерти
Обернулася жар-птицей. Сфинкс её кумир, поверьте.
То не сфинкс и не жар-птица, то ты сам слезой омытый.
А идея ведь простая, надо только помолиться.
И сказать себе: О Боже!
Я себе придумал тризну, а она ведь только врата,
в светлую Твою Отчизну.

Как быть?

Ну, просто я не понимаю, как быть, когда становится не быть.

Мне говорят: терпи, но я ж страдаю.

А ходики всё тикают, как быть.

Терпи, конечно, это славно. Позволь тогда мне спросить.

Терпеть-то может быть забавой, а может быть не быть.

Каким терпеньем крест Он свой наполнил, и нам его затем вручил.

И бытием своим прожѐг просторы, просторы душ, нам свет открыл,

А я? К ладоням приклонился, глаза от света заслонил.

Зачем мне бытие другое?

Мне в этом хорошо, мой свет мне мил.

Мой свет, в котором полутени мелькают вместе с мишурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.